



предчувствовать свой успех или неудачу!

— Особенно успех. Знаете, я ведь сначала отказался от роли Ладейникова в «Мертвом сезоне». Совершенно незнакомый материал, роль казалась мне совершенно не моей. Но режиссер Савва Кулиш настаивал, убеждал, и я в конце концов подумал, что ничего не теряю: известности у меня в кино никакой, проваляюсь — никто и не упрекнет... В общем, мне долго не верилось, что у меня в «Мертвом сезоне» выйдет что-нибудь путное.

Для киноактера успех в фильме, мне кажется, складывается из четырех основных элементов: хорошего литературного сценария, талантливой режиссуры, интересной роли и собственных возможностей. Отсутствие хотя бы одного из них ведет к провалу.

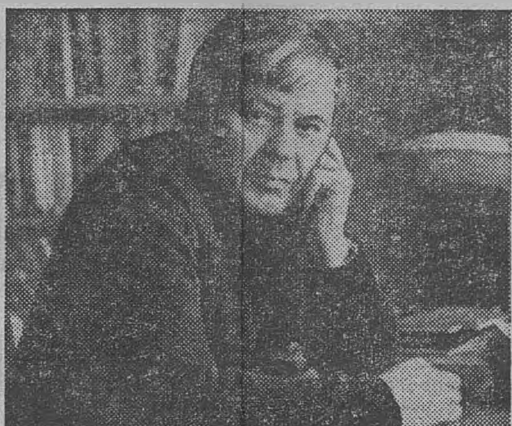
— Донатас Юозович, за последние годы многие актеры стали еще и режиссерами. Как вы относитесь к этому?

— Мне кажется, режиссером нужно родиться. Сейчас в кино режиссеров стало значительно больше, чем раньше. И талантливый актер порой думает: «А чем я, собственно, хуже?» — забывая о совершенно особом призвании режиссера. Я твердо уверен: актеру, даже очень одаренному, но не имеющему этого призвания, противопоставлено братья за режиссуру, потому что природа актерского искусства иная в принципе — она исполнительская. Блистательным исключением был Василий Шукшин (горько и больно говорить об

## СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЮТ...

Донатас БАНИОНИС:

# ЧЕТЫРЕ СЛАГАЕМЫХ УСПЕХА



— Донатас Юозович, а все-таки возможность «сняться вместе со знаменитостями» — дала она вам что-нибудь?

— Представьте, да. Прежде всего в смысле профессионального отношения к делу. Вы знаете, у нас одно время много писали о «капризах западных кинозвезд». И я, признаваясь, был поражен, видя, как Марио Адорф, тяжело переносивший перемену климата, ни разу не заставил группу себя ждать. Как Шон Коннори и Питер Финч «сражались» за выигрышные реплики. Как все они «выкладывались» буквально до предела. Мне кажется, такая жадность необходима, в ней — свидетельство истинного профессионализма.

— Если бы вы не были актером...

— Нет-нет, никем другим! Мне не раз доводилось читать интервью, в которых актеры возделают к профессиям инженеров, архитекторов, плотников... Пусть простят меня мои коллеги, но это неправда. Просто отдается комплиментарная дань другим специальностям, словно они хуже, что ли... А они не хуже, они — другие, и все тут.

— Значит, задавать вам вопрос: как вы попали в театр — бессмысленно!

— Нет, почему же. Только ответ будет однозначный: не случайно.

— А конкретнее!

— Ничего необычного. С детства мечтал о сцене, но для

поступления в театральное училище нужно было окончить не менее шести классов гимназии, а это стоило довольно дорого (не забывайте, что родился я в буржуазной Литве), да и для училища требовалось немало денег. Меня отдали в ремесленную школу, я учился на керамиста... Родители? Нет, не имели никакого отношения к театру. Отец — портной; вступив в Коммунистическую партию, он долгое время, включая период гитлеровской оккупации, был на нелегальной работе. В 1940 году, когда Литва стала социалистической, в Паневежисе образовалась театральная студия, и мне удалось убедить режиссера Мильтиниса поэкспериментировать со мной.

— И с тех пор...

— С тех пор и экспериментируем. И даже неожиданности случаются — во всяком случае для меня. Например, очень я удивился, когда Мильтинис предложил мне роль Бекмана в пьесе Борхата «Там за дверью». Роль необыкновенную, роль-монолог, звучащий в устах героя от имени целого «поколения вернувшихся» с войны немцев. Совершенно не видел себя в этой роли и был уверен, что на сей раз эксперимент наверняка провалится. Но Мильтинис вновь оказался прав, а я, читая рецензии на спектакль, вспоминаю свою полную растерянность на первых репетициях и не перестаю удивляться...

— А как много говорится об актерской интуиции... Значит, актер все-таки не в состоянии

этом прекрасном, многогранном человеке в прошедшем времени), счастливо сочетавший в себе равный по силе талант писателя, актера и режиссера. Но он, повторяю, был исключением, подтверждающим правило.

— Скажите, что думает Банионис-зритель о Банионис-актере!

— Чаше всего ничего хорошего. Обычно я смотрю свой фильм трижды. Сначала — только что отснятый материал. Тут я себя раздражаю до крайности: не доработал, неубедительно, слабо... Потом — в день премьеры: здесь режиссер вырезал, и правильно... здесь реплика пошла за кадром, так действительно лучше... здесь был мой крупный план, хорошо, что его нет, а то смотреть было тошно... И наконец, в третий раз я смотрю спустя длительное время. Недавно вот видел «Гойю»... Знаете, как будто оцениваешь игру другого актера: в этой сцене сыграл бы лучше, в этой — «пережал»...

— Какая новая работа ждет вас в кино!

— В фильме «Бегство мистера Мак-Кинли», который Михаил Швейцер снимает по сценарию Леонида Леонова, я впервые играю комедийную роль. Теперь в съемках перерыв, возвращаюсь в Паневежис. Вот только хочу побывать на московских театральных премьерах, очень люблю быть просто зрителем...

Вед беседу Марк ДЕРЧ

ОДНИМ из интересных событий нынешнего театрального сезона стали для москвичей гастроли Паневежисского театра. Труппа из маленького литовского городка привлекла живое внимание театралов столицы.

Сейчас уже трудно сказать, какая фраза была первой: «Театр, в котором играет Банионис» или «Банионис, который играет в театре Паневежиса». После выхода на экраны фильмов «Никто не хотел умирать» и «Мертвый сезон» Банионис стал знаменитым. Этому предшествовало более двадцати лет работы в театре и около восьмидесяти ролей, сыгранных Банионисом на сцене...

— Донатас Юозович, что вы ощущаете, слыша слова: «Известный артист Банионис»!

— Настороженность. Да, да, не удивляйтесь, именно настороженность. Меня до сих пор не покидает чувство некоторой несправедливости: лучшие работы созданы на театре, известность же пришла после менее значительных, на мой взгляд, ролей в кино. Может быть, это удел любого театрального актера, в поздние годы приходящего в кинематограф?.. Не знаю...

— И все-таки, несмотря на все опасности, которые популярность таит в себе, она, пожалуй, вещь приятная...

— Вот уж не сказал бы! Она мешает работать. Поверьте, не кокетничаю. Это бремя заставляет думать о том, что раньше бы и в голову не пришло, заставляет не только ответственно, но и настороженно относиться к любой новой роли. Ведь если я сыграю среднее, чего прежде почти никто бы и не заметил, то теперь скажут: «Что это с ним случилось?»...

— Ну, это уж, по-моему, напрасно. И зрители, и критики понимают, что у любого актера могут быть неудачи.

— Понимать-то понимают... Однако меня часто упрекают: как это я согласился играть Мариано в «Красной палатке»? Дескать, неудача заложена в самом сценарии, и не заметить это было невозможно. «Быть может, — задают сами себе риторический вопрос критики, — Баниониса прельстила перспектива сняться вместе со знаменитостями — Питером Финчем, Шоном Коннори, Марио Адорфом?»

Читаю я это, и становится немножко грустно. Потому что зрители не знают, а критики не обращают внимания на одно очень важное обстоятельство: «Красная палатка» вышла на экраны позже «Мертвого сезона», но съемки-то начались значительно раньше. Меня, почти неизвестного актера, пригласили на роль Мариано в поисках подходящего типажа, кто-то решил, что я похож на итальянца. А я после «Никто не хотел умирать», что называется, «разошелся», полюбил актерскую работу в кино. Мне кажется, не будь нарушена последовательность и появившись «Мертвый сезон» после «Красной палатки», — роль Мариано назвали бы «необходимым этапом», и все были бы довольны...